

Поющие вместе

«СЕМЕН КОТКО» ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВА В МАРИИНКЕ
агитирует ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

В КРОВАВОМ ФАРШЕ
ПЕРЕМЕШИВАЕТСЯ ВСЕ И ВСЯ,
БУДЕНОВКИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ
ВЫТЯГИВАЮТСЯ НА МАНЕР
КУ-КЛУКС-КЛАНОВСКИХ КОЛПАКОВ,
ОГНЕМЕТЧИКИ В ПРОТИВОГАЗАХ
УСТРАИВАЮТ ГАЗОВУЮ АТАКУ,
ШЛАНГИ-ЖИЛЫ ТЯНУТСЯ ПРЯМИКОМ ИЗ
ВСПОРОТОГО ПОДБРЮШЬЯ ЗЕМЛИ

СИМВОЛ И ЖУПЕЛ недолгого режиссерского Sturm und Drang мариинской оперы, прокофьевский «Семен Котко» Юрия Александрова, был поставлен в 1999 году, за прошедшее десятилетие показывался считанные разы, а в последний раз шел не вспомнить когда. Нынешнее возобновление этого без преувеличения великого спектакля — одно из центральных событий первой половины сезона.

Про оперу Сергея Прокофьева вроде бы многое объясняет то, что она была написана в 1939 году. Либретто по повести Валентина Катаева «Я сын трудового народа» — классический постреволюционный шутер с отягчающими обстоятельствами: война гайдамаков и советов, кулаков и пролетариев, красных и белых, русских и немцев с обязательным народно-жанровым хеппи-эндом и танцами до упаду под занавес. Гениальная опера с демобилизованным солдатом в качестве протагониста всегда казалась неподъемной для театра: в свое время в Кировском ее не смог осилить Георгий Товстоногов, а Борис Покровский в Большом вроде бы взял вес, но на его спектакле было понятно, что режиссер поставил совсем не то, что написано между нот.

Что именно написал композитор, становится ясно на первых минутах мариинского спектакля: Юрий Александров поймал Прокофьева за руку, образцово инсценировав его оркестровый космос. Пунцуют звезды, от планеты людей после апокалипсиса остался уместившийся на мариинской сцене астероид. В либретто Катаева действие происходило на контуженной Украине 1918 года, Александров заб-

расывает героев «Семена Котко» на едва оправившуюся от техногенного катаклизма, израненную, вставшую дыбом, покрытую шрамами и коростой землю с ведущими в никуда рельсами, безымянными пронумерованными могилами и чудом уцелевшей вишней. Весь этот бесприютный постиндустриализм — в ядовитом освещении Глеба Фильштинского, действующем на сознание как газовая атака.

Контуженного в голову дембеля встречают пугливо высывающиеся из люков односельчане. С войны Семен Котко возвращается вовсе не в пейзажный парадиз Малороссии: вот моя деревня, вот мой дом родной — строительство платоновского «общепролетарского дома» застопорилось, жить приходится под землей. На фронте александровский Котко провел явно больше катаевских четырех лет — за это время не только мать успела состариться, но и невеста излишне возмужала. Героям пора переживать кризис среднего возраста, а они милуются как подростки. Трагично трогательны решительно все фигуранты спектакля, от председателя сельсовета с внешностью Юла Бриннера до матроса предпенсионного возраста Василька в тельняшке и гармошке — его, так и не станцевавшего «Яблочко», в итоге повесят под колосниками. Кто именно повесит, непонятно: хо-дильно-агитпроповское разделение на своих и чужих у Александрова неуместно, все едины перед лицом универсального террора. Кулак Ткаченко не олицетворяет классовое зло, а изо всех сил пытается вести жизнь маленького человека в этом хаосе. Но не судьба: в кровавом фарше перемешивается все и вся, буденовки красноармейцев вытягиваются на манер ку-клукс-клановских колпаков, огнемётчики в противогазах устраивают газовую атаку, шланги-жилы тянутся прямиком из вспоротого подбрюшья земли.

На этом стоило бы остановиться, но вслед за композитором режиссер готовит дополнительный удар под дых. Александров расслышал, что в прокофьевском апофеозе коммунистический рай озвучен буквально нечеловеческой музыкой. В начале спектакля его герои кажутся людьми, пусть и с измененным сознанием. В финале на сцену выходят дауны без пола и возраста, которым очередной виток сюрреалистического кошмара окончательно вынес мозг. Все как один одеты в серые френчи, в руках держат красные книжечки-цитатники, в эф-

фектном поклоне Евгению Замятину стройными шеренгами раскачиваясь из стороны в сторону на утренней летучке. Счастливые братание происходит на фоне головы безликого серого истукана. Даже странно, что спектакль вышел десять лет назад, настолько актуальной выглядит эта сцена — и даже не нужно вместо «по свободной Украине конница летит, летит вперед за строем строй, вперед за рядом ряд, летит лавиной огневой стремительный отряд» петь что-нибудь про суверенные углеводороды и удвоение разных аббревиатур. Понятно, что ничего такого создатели спектакля десять лет назад не имели в виду, да и кто бы мог иметь. Но это вообще свойственно гениальным произведениям — не отзываться на время, а предугадывать его.

Мариинский театр, 10 ноября, 19.00

